

ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ И ПОХМЕЛЬЕ

Из чего складывается петербургский миф современных российских сериалов

По неподтвержденным данным, летом 2023 года в Санкт-Петербурге и его окрестностях одновременно работали более 35 киногрупп.

Василий Степанов |

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВСКИЙ

Съемки фильма «Серебряные коньки» режиссера Михаила Локшина возле Никольского собора

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВСКИЙ

СЪЕМКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА «СОЮЗ СПАСЕНИЯ» РЕЖИССЕРА АНДРЕЯ КРАВЧУКА НА ДВОРЦОВОЙ ПЛОЩАДИ

ОНИ снимали полнометражные фильмы и, конечно, сериалы, многие из которых выйдут в следующем году, дополнив и без того богатый список кинопроизведений, эксплуатирующих не столько даже богатую петербургскую натуру с ее реками и каналами, белыми ночами и историческими зданиями разной степени упадка, но прежде всего богатый миф места, особенности «петербургского текста», как называют этот феномен литературоведы и культурологи. Попробуем разобраться, как выглядит этот текст и порождаемые им стереотипы на экране.

Магнетизм Петербурга как уникального топоса, не просто влияющего на сюжеты и героев, но порождающего их, неоспорим. Его пестуют как сами жители города, так и те, кто привык бывать на невских берегах лишь время от времени (с трепетной любовью или искренним изумлением — как здесь вообще возможно жить?). Кинематографисты постсоветской России внесли в создание этого образа свою заметную лепту. Рассыпающийся, пропитанный духом тления, но в то же время эстетский «Ленфильм» в девяностых породил «Улицы разбитых фонарей». Экранизация произведений Андрея Кивинова, эстетически развивавшая достижения бетакам-адаптации другого нашумевшего криминального чтива под названием «Русский транзит», превратилась в главный сериал постсоветского периода. Потом были «Агент национальной безопасности» и «Бандитский Петербург» по Андрею Константинову — и клеймо российского Чикаго от города на экране было уже не отодрать. «Культур-

ная столица», как назвал Петербург Борис Николаевич Ельцин, отбирая у города федеральную телевизионную частоту, приросла статусом столицы криминальной.

Несколько оксюморонная, но яркая связка культуры и криминала определяет экранный миф Петербурга по сию пору. Достаточно посмотреть, о чем и как здесь снимают сериалы. Даже новая версия приключений Фандорина обрекает своего героя с одинаковой периодичностью посещать как вернисажи, так и места убийств. Нельзя сказать, чтобы для формирования такого образа не было совершенно никаких исторических оснований — все-таки одним из важнейших литературных произведений для местного мифостроительства и сегодня является роман «Преступление и наказание». На тех же страницах можно узнать и о том, каково это — «в Питере пить». Порожденная и тщательно поддерживаемая пьяненькими атмосфера смертельного загула и тревожного похмелья — третий из важнейших петербургских стереотипов.

Что ж, принцип тройственного единения несовместимого, как справедливо указывал в своем эссе о петербургском тексте поэт Александр Скидан («О пользе и вреде Петербурга для жизни»), явлен уже в самом названии города — Санкт-Петербург. Три языка — латинь, греческий и немецкий — преступно сталкиваются в одном слове. Как не выпить от такого культурного своеволия? На экране эта петербургская триада выглядит довольно привлекательно, так как без особых усилий порождает сюжеты, необходимые малому экрану. Первым это заметили на ТНТ, где семь с половиной лет назад не очень популярные, но яркие и точные «Бедные люди» свели в типичной петербургской квартире не

менее типичного, видимо, для Петербурга разведенного писателя-невротика в исполнении Дмитрия Лысенкова и мелкого драгдилера (Максим Филиппев). На троих им помогала выпивать приезжая исполнительница народных танцев (Лина Мирымская), с ходу устроившаяся в стриптиз-бар (вот они, те самые ночные развлечения Северной столицы, о которых так много говорят туристы из Москвы).

Не менее технично сводил высокое с низким и недавний «Смычок», где талантливый студент консерватории (Марк Эйдельштейн) между занятиями играл на подпольных секс-вечеринках и раскладывал закладки с запрещенными веществами, да так увлекся, что основал к финалу сериала собственную наркоимперию. Забавно, но почти одновременно со «Смычком» на другой платформе выходила «Химера», где с тем же даркнетом в Петербурге разбирался брутальный полицейский наркоконтроля, сыгранный Александром Кузнецовым. «Химера» помимо криминальной тематики успешно эксплуатировала еще и петербургский миф задрипанных центральных подворотен и меланхолических буржуазных пригородов. Кроме того, именно в этом сериале, кажется, впервые с такой тщательностью были запечатлены милые сердцу петербуржцев индустриальные окраины: порт, Западный скоростной диаметр (одна из красивейших дорог современной России) и Канонерский остров.

Последний неизменно производит на кинематографистов неизгладимое впечатление проложенными над ним на недостижимой высоте автомобильными трассами и развязками, что делает изолированный клочок земли на краю Финского залива похожим на кадры футуристического аниме. Неспроста именно

там, на Канонерке, просыпается главный герой фантастического сериала «Сансара». Казалось бы, что делать успешному господину в исполнении Павла Деревянко в этом не очень-то ухоженном, сложном (хотя бы с точки зрения логистики) районе? Но красота и кинематографическая страсть к драматургии, которая, безусловно, порой имеет и визуальные формы, требует от героя жертв. Петербургская красота на грани дисфункциональности и распада — или, скорее, драматичный миф о таковой — неизбежно гонит москвича на Ленинградский вокзал, к «Сапсану», как героев любовной истории Валерия Тодоровского «Надвое» — Александра Петрова и Данилу Козловского. Что они ищут в Петербурге? Сюжет? Дриму, которая невозможна в Москве? Город мечты готов помочь — ведь это пространство, от рождения живущее травмами и осмысляющее себя через них.

Стоит отметить, что слоган упомянутой выше «Сансары» — «Завтра будет вчера» — чрезвычайно уместен именно здесь, «на берегу пустынных волн». Город пропитан историей, которая парализует его жителей (по крайней мере, тех из них, кого можно увидеть на экране), заставляя любой новый опыт интерпретировать через пережитое. Петербург — это всегда инъекция ретро. Даже если это ретро, укорененное в ближайшем прошлом. Как, например, в саркастичном нуаре «1703», где молодой карикатурный московский хипстер с корочками и пистолетом (Кузьма Сапрыкин) получает в напарники бывшего старшего оперуполномоченного Колпакова (Гоша Куценко), — по темным улицам города белых ночей они передвигаются натурально под Таню Буланову, застрявшую на автоплее в автоматгитале. Нева течет, а вот время в Петербурге замерло. Это батин город. → 10